

За год до того по сю сторону Уральского хребта я мог наняться разве таскать носилки. Даже электриком на порядочное строительство меня бы не взяли. А меня тянуло — учительствовать.

А. Солженицын. «Матренин двор».

В 1961 году я окончил 2-ю среднюю школу Рязани. В пору моего детства она была известна тем, что в 60-е годы XIX века в размещавшейся в ее стенах духовной семинарии учился будущий великий ученый-физиолог, академик, лауреат Нобелевской премии Иван Петрович Павлов. Несколько лет тому назад на старинном здании школы появилась еще одна мемориальная доска в память о том, что в 20-е годы века нынешнего здесь начинал образовывать писатель Константин Симонов.

В год двадцатилетия со дня окончания школы я заглянул в свою альма-матер и с огорчением обнаружил, что со стендов музея истории школы исчезли коллективные фотографии нескольких выпускников, в том числе — и моего. Мне дали понять, что причиной этого было указание идеологов из обкома: стереть все следы работы в школе в конце 50-х и начале 60-х годов Александра Исаевича Солженицына.

Но вот гласность достигла уровня, когда стало возможно прервать многолетнюю теле-радио-газетно-журнальную хулу в адрес замечательного писателя и Человека. Сейчас о нем много пишут и конъюнктурно, и искренне. Все, что относится к Солженицыну, приобретает общественный интерес. Вот и я решился рассказать о малоизвестной стороне его деятельности того времени, когда имя Александра Исаевича было известно лишь узкому кругу знакомых, считанному числу коллег да нескольким десяткам учеников.

Воспоминания нельзя рассматривать как «свидетельские показания». Поэтому вряд ли по этим заметкам следует делать вывод о взглядах А. И. Солженицына, относящихся к концу 50-х годов, и тем более ко времени нынешнему. Я пытаюсь взглянуть на далекие 50-е годы глазами школьника. Между тем пишущему эти строки сегодня уже больше лет, чем было Александру Солженицыну в конце 50-х. Чаще всего наши воспоминания детства — набор слайдов, сюжетно почти не связанных. Эти записки ограничены временными рамками — от первой встречи с А. И. Солженицыным в школьном коридоре до выпускного вечера. Я поддерживал отношения с Александром Исаевичем и позднее — приблизительно до 1970 года, но это уже другая тема.

А. И. Солженицын, математик по образованию (он окончил математическое отделение физико-математического факультета Ростовского университета), в нашей школе преподавал физику и астрономию.

Когда же я впервые увидел Александра Исаевича? Самое смутное воспоминание относится, кажется, к 1957 году. В нашем 7 «А» шел урок физики. Едва зазвенел звонок, как в класс стремительно вошел мужчина средних лет с фотоаппаратом. Он должен был запечатлеть фрагмент урока: «Внимание! Не двигаться!». «Так, отлично», «Еще раз»...

Я стал частенько встречать «фотографа» в коридоре. При чем без фотоаппарата, зато с учительской указкой. Не помню его важно расхаживающим по коридору. Походка его была стремительной, казалось, он всегда куда-то опаздывал, разговаривал торопливо и отрывисто, при этом энергично жестиколоировал, на собеседников бросал испытывающий взгляд, слегка прищурясь. Позднее я узнал, что у него небольшая близорукость, а очки он обычно не носил.

Как-то на перемене я увидел его разговаривавшим с высокорослым десятиклассницей. То была известная в школе спортсменка, о чьих достижениях местно-

го значения иногда сообщала рязанская газета «Приокская правда». Как и большинство спортсменов, Алла вела себя уверенно не только с одноклассниками, но и с учителями. Тем более я был озадачен, что перед «фотографом» она стояла словно первоклассница, а тот, улыбаясь, говорил: «Ну, что ты, Аллочка! Электростатика — это же совсем просто. И потом было бы несерьезно с моей стороны — сразу же предъявлять высокие требования...».

И я понял, что это вовсе не фотограф, а преподаватель физики... В нашем классе с физикой дела тогда обстояли неважно. Ушел из школы учитель, и тогда-то в наш класс пришел Александр Исаевич. Чем запомнился его первый урок? Помню, появился он с озабоченным лицом. «Это, конечно, плохо, что мы знакомимся не в начале учебного года. Трудно придется и вам, и мне. Давайте же помогать друг другу». Примерно такими словами начал Александр Исаевич. Мы сразу же окрестили

его «Исаичем», и иначе между собой не называли.

Исаич повел рассказ о законах Ньютона. При этом он подчеркивал, что в фамилии великого физика ударение следует делать на первом слоге: Ньютон, а не Ньютон! Объяснение материала сопровождал шутками (относящимися, однако, к изучаемой теме), чем сразу нам понравился.

Со второго урока он начал опрос. И поскольку фамилии учеников записываются в классном журнале в алфавитном порядке, моя оказалась одной из первых. Пришлось «держать ответ». Изучали мы тогда закон сохранения энергии. Вопросы Александр Исаевич ставил просто. Комкал подвернувшийся под руку испитанный лист бумаги в шарик, бросал его на стол, подбрасывая к потолку, ловил, спрашивая, как происходит превращение потенциальной энергии в кинетическую, и наоборот.

Что же отличало Солженицына-учителя? Прежде всего — пунктуальность. За считанные минуты до урока приходил он в школу. Со звоном появлялся в классе, облаченный обычно в темный халат. Едва звучал звонок на перемену, урок прекращался. Солженицын не имел привычки задерживать учащихся. Если наступал его черед быть дежурным учителем, строго следил за порядком, опрятностью учеников.

Когда его урок оказывался последним, то, как положено, провожал учеников до гардероба, проявляя явное нетерпение в ожидании, когда его питомцы оденутся. И едва они выскочили за порог школы, уходил сам.

Бывало, еще перемена после его урока не кончилась, а он уже своей стремительной походкой удалялся от здания школы.

Стиль Солженицына-педагога отличался от большинства учителей. Как-то на одном из первых его уроков класс хором «уличил» его в том, что в записи условия задачи он пропустил традиционные и казавшиеся нам тогда обязательными слова: «Дано», «Требуется определить», «Решение». Уразумев, от чего это класс взволновало, Исаич, демонстрируя всем видом полнейшее недоумение, произнес: «Зачем?? Давайте экономить время и место в тетраджах». С тех пор исходные данные к за-

даче записывались в столбик и подчеркивались снизу и вертикальной чертой справа. Внизу (под чертой) символом и вопросительным знаком обозначалась цель задачи, а справа приводилось решение.

Урок А. И. Солженицына строился не совсем традиционно. Мы привыкли к тому, что 45 минут («академический час») делились на две части: 30 минут — повторение пройденного материала или опрос, державший учеников в напряжении, и остающиеся 15 минут — изложение учителем нового материала, когда учащиеся чувствовали себя спокойнее, расслаблялись, а то потихоньку начинали готовиться к предстоящему на следующем уроке опросу.

На уроках же Солженицына классу в течение всех 45 минут приходилось работать активно. Для получения оценки обязательно было выходить к доске. Достаточно в ходе урока 2—3 раза удачно ответить с места, и можно получить хорошую оценку. Вообще ему было тесно в рамках принятой пятибалльной системы, и он частенько пользовался «плюсами» и «минусами». Ценил находчивость, остроумие. За блестящий ответ готов был поставить «5+», но не помню,

чтобы кто-то в нашем классе этого балла у Исаича удостоился.

Он требовал всегда ответа на поставленный вопрос, не допуская рассуждений вокруг да около темы. На одном из первых же уроков рассказал нам старый анекдот «о белых слонах» (о том, как студент на экзамене, зная лишь только одну тему — «о белых слонах», ответил на любой вопрос профессора сводил к «белым слонам»).

Во время урока А. И. Солженицын не терпел, когда что-то отвлекало от занятий. Он, словно от зубной боли, морщился, если слышал посторонний шум, и, не глядя на нарушителя, а лишь энергично погрозив пальцем в направлении шептунов, продолжал говорить... Вот озорник нарочито громко чихнул на весь класс, Исаич лишь на секунду повышал тон, не давая расслабиться, и урок продолжался. Как-то послышался звон рассыпавшихся по полу монет, по классу прошел смехок. Исаич тут же погасил его: «Пусть эти деньги так и лежат теперь на полу до перемены!», и урок продолжался.

Если он узнавал, что кто-то пропускает занятия не по болезни, а отговариваясь, например, репетицией школьного вечера, собранием секции парашютистов, оформлением праздничной колонны и т. п., его лицо приобретало скорбное выражение. Вспоминаю один особый случай.

Дело было в середине последнего учебного года. Нам разрешили было провести в будущий день небольшой туристический поход, названный «днем здоровья», затем, когда все настроились, неожиданно запретили. И решили мы на этот «произвол администрации» ответить коллективной акцией протеста — один день всем классом прогулять занятия. Утром собрались в парке вблизи школы и двинулись в ближайший кинотеатр. Эта однодневная забастовка 10-го «А» была возведена в ЧП школьного масштаба. Отношение учителей к нашей выходке колебалось от иронического до агрессивно-злобного.

Исаич же был явно приятно поражен, что среди нас в тот день не было ни одного штрейкбрехера. На очередном уроке он был как-то особенно мягок с классом. Правда, вдруг предло-

жил один из параграфов изучить дома самостоятельно, а в ответ на ропот класса воскликнул: «Так вы же вчера прогуляли!» — и в кабинет физики вернулась тишина. А когда в решаемой им на доске задаче потребовалось применить формулу, которую мы не проходили, он весело бросил: «Я вам ее вчера объяснял? Объяснял!», налегая на «вчера».

А. И. Солженицын делился с учениками не только знаниями, но и сомнениями. Если причина какого-либо физического явления была ему (или науке того времени) неизвестна, он этого не скрывал. Поругивая школьный учебник физики Перышкина («Такие учебники пишутся по договору в течение одних летних каникул», — как-то заметил он), об учебнике астрономии Воронцова-Вельяминова отзывался высоко.

Вообще уроки астрономии Исаич вел, пожалуй, еще увлеченнее, чем физики. На первом занятии дал всем задание: каждый вечер в течение месяца выходить на улицу — следить за положением звезд на небе и вести дневник наблюдений.

— Знаю, — предупредил он, — в конце сентября вы мне заявите: «Александр Исаевич, ничего не получилось — весь месяц шли дожди». Но не обма-

рольной можно было обратиться к нему за консультацией, он отвечал на поставленный вопрос, но предварительно предупреждал, что на полях контрольной сделает условный знак и оценка будет снижена на полбалла или целый балл в зависимости от ценности учительской подсказки.

А когда в выпускном классе, в преддверии экзаменов на аттестат зрелости, текущие двойки по всем дисциплинам превращались в тройки за год, только Исаич умудрился «провести через педсовет» одну двойку по физике и не допустить ученика до экзамена.

Хотя он никогда не старался «тянуть» ученика, но часто сопереживал отвечающему. Помнится, он вызвал ученицу, чтобы окончательно определить четвертную оценку по астрономии — «4» или «5». Ответ его вполне устраивал, но в какой-то момент соискательница высшего балла запнулась, из ряда послышалась подсказка, и тут совершенно раздосадованный Исаич воскликнул: «Девочка отвечает на «5». Так нет же, надо было помешать». Он все же поставил Альбине «5», но лишь после того, как она ответила на дополнительные вопросы.

И С А И Ч

(из воспоминаний школьника 50-х годов)

Я сам каждый вечер буду вести наблюдения.

Довелось мне быть свидетелем беседы Солженицына с коллегой — преподавателем астрономии. Едва тот отошел, Александр Исаевич произнес, глядя ему вслед: «Счастливый человек. Едет в экспедицию в полосу полного солнечного затмения. Представляешь, воочию увидит солнечную корону. Для нас, астрономов, нет ничего важнее».

Объясняя природу белых ночей, говорил:

— В Рязани белых ночей не бывает. Верно. Но обращали вы внимание, как растянут у нас летний вечер, как медленно наступают сумерки? В июне и в 9, и в 10 вечера еще совсем светло. До половины одиннадцатого можно фотографировать без лампы-вспышки. В южных широтах ничего подобного быть не может. Там мгла приходит так быстро, что летний день переходит в ночь почти мгновенно... — И закончил многозначительно: — Надо уважать тот край, где живешь.

Запомнился мне его «Рассказ незадачливого фантаста». Он читал рассказ, а мы должны были замечать содержащиеся в тексте ошибки. Чем больше неточностей удавалось обнаружить, тем выше можно было получить оценку.

Довольно часто Исаич устраивал контрольные работы. В вариант входили две задачи. Первая — элементарная, на школьном жаргоне — «задача в один вопрос». Для решения ее нужно было применить лишь одну из основных формул «контролируемого» раздела физики да еще внимательно разобраться с размерностями входящих в нее величин.

Вторая задача формулировалась так, чтобы ученик мог показать свои знания и понимание пройденного материала. Тут учитель учитывал, логичны ли рассуждения, насколько рационально решение. Черновик сдавался вместе с контрольной. «Может оказаться, что именно в черновике вы были рядом с решением», — говорил Александр Исаевич и в этом случае ставил оценку «по черновику».

Если первой чертой Солженицына-педагога я отметил методичность, то вторая — принципиальность. Он никогда не «тянул» ученика. Во время конт-

А. И. Солженицына в меньшей степени, чем у других учителей, была выражена черта, которую я бы назвал «педагогической инерционностью». Исаич мог поставить плохую оценку хорошему ученику, и наоборот.

Запомнился мне зачет по теме «Электростатика». Подготовился я тщательно. Накануне зачета придумывал различные каверзные вопросы и сам же на них отвечал. Начался зачет гладко, как говорил Солженицын, по принципу «вопрос — ответ». Мой ответ следовал мгновенно за вопросом учителя. Отвечая так, что стало весело. И вдруг... нестандартный вопрос Исаича, и я туло молчу, чувствую, что мне не ответить. Затянувшуюся паузу прерывает голос учителя: «Сережа, до сих пор ты отвечал просто блестяще (и при этом бросает на меня острый взгляд). «Отлично» заслужил. Но подумай над этим вопросом».

Я по памяти воспроизвожу реплики А. И. Солженицына, будучи не в силах передать его интонации, взгляд, жесты... Кажется, я справился с тем вопросом, и хотя «5+» не получил, до сих пор, когда слышу «электростатика», на душе становится светлее.

Исаич старался дать возможность ученику поверить в свои силы. Один пример из собственного опыта. Мы изучали оптику. Для урока нужно было нарисовать на доске схему преломления лучей в какой-то наисложнейшей (по школьным меркам) системе не то линз, не то зеркал. Обычно в такой ситуации обращались к услугам двух «штатных» чертежников. Но их почему-то в тот момент в классе не оказалось, и Александр Исаич попросил меня. Я стал было отнекиваться, потому что черчение недолюбливал. Но Исаич, хотя и мягко, но настойчиво вынудил меня попробовать, подчеркивая, что у меня должно получиться. Нужно только поверить в свои силы. Чертеж и впрямь удался...

А. И. Солженицын говаривал, что человек порой сам свои потенциальные возможности не в состоянии оценить. «Несколько лет назад, — рассказывал Александр Исаевич, — врач открыто сказал мне: «Вам осталось жить совсем немного, месяц, максимум два». И тогда я моби-

лизовал силы своего организма. И, как видишь, выжил».

Как реагировал он на выходки учеников? Невозможно представить себе Солженицына кричащим: «Вон из класса!», или с угрозой: «Завтра явишься с родителями, иначе я тебя к уроку не допущу».

Когда мы стали десятиклассниками, в школе завели порядок: учитель, который вел первый урок, должен был несколько минут посвятить текущей политической информации. Первая политинформация А. И. Солженицына продолжалась полминуты — несколько коротких фраз о наиважнейших событиях. А затем он предложил, чтобы политинформации готовили сами учащиеся, рассказывая о том, что было самым, по их мнению, интересным. Поначалу такие утренние беседы в дни, когда первым уроком была физика, оказались довольно интересными.

Как-то, когда политинформация закончилась и Александр Исаевич устремился к доске, чтобы начать урок, я позволил себе реплику с места: «Александр

какого намека на антисемитизм в его словах и поступках не было.

Проявлялся ли уже тогда религиозность Солженицына? Пожалуй, явно нет. Но к религии он относился с уважением. Говаривал, что люди слишком мало знают о себе, чтобы клеймить Бога. «Как родился — не помню, когда умру — не знаю», — не раз повторял он.

Как-то на его уроке делалось объявление об антирелигиозной беседе. Реплика об обязательности посещения мероприятия комсомольцами Александр Исаевич прервал: «Продолжаем урок. Объявления делаются не для того, чтобы их обсуждать».

Однажды я поведаль Исаичу, что в детстве крещен по настоянию бабушки. А. И. Солженицын в ответ сказал: «Это очень хорошо, Сережа».

ЧТО МОЖНО сказать о тогдашних увлечениях А. И. Солженицына? Вспоминая о годах юности, рассказывал, что было время, не представлял жизни без футбола, увлекался шахматами, участвуя в турнирах, получил третью категорию. Позд-

казалось, что его главное увлечение — фотодело. Исаич организовал нескольких учеников нашего класса в фотокружок. Как руководителя кружка Солженицына отличала аккуратность, дополнявшаяся бережливостью.

Приучая нас к аккуратности, Исаич придумывал правила, которые для легкости запоминания облекал в рифмованные строки, они висели на стенах небольшой комнаты, в которой располагался фотокружок. Одно из правил помню:

Будь аккуратен
исключительно,
Раствором чистым дорожка,
Воронка желтая —
для проявителя,
Воронка красная —
для фиксажа.

Догадывались ли мы, что он — писатель? Нет, могу сказать определенно. Вообще, несмотря на внешнюю открытость Солженицына, его жизнь за школьным порогом была нам неведома. Мы знали о нем меньше, чем об иных учителях.

Мне запомнился лишь короткий диалог между нами в фотолaborатории. Я поделился с Александром Исаевичем впечатлением от только что прочитанного романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Он в ответ пожал плечами: «Не понимаю, как можно вдвоем работать над одним литературным произведением. Я не представляю, как бы стал писать с соавтором».

Я еще подумал про себя: о каком это соавторстве говорит учитель физики, и спросил: «Вы пишете?» — «Я сейчас работаю над одной вещью», — ответил Александр Исаевич. На секунду лицо его приняло страдальчески-озабоченное выражение, но тотчас просветлело, и он круто переменял тему разговора.

Больше о его литературных упражнениях мы не заговаривали. И то, что мой школьный учитель физики — писатель, я узнал только после публикации «Одного дня Ивана Денисовича».

Как-то в порыве возмущения очередным административно-бюрократическим шагом местных властей, я воскликнул в присутствии Солженицына: «Ну, как так можно! Неужели они не понимают?!». Исаич спокойно сказал: «Понимают. Это ты, брат, еще не понимаешь». Я вспомнил эту фразу и его печальные глаза, когда, читая его повесть, дошел до сцены возмущения кавторанга Буйновского произволом охранников.

Он трепетно относился к русской речи. Болезненно реагировал на ее искажение. Услышав обращение одного из своих учеников к другому: «Кто ж так ложит книги?», он схватился за голову и с ужасом зашептал сказавшему: «Нет в русском языке глагола «ложить». Так говорить нельзя». Когда в его присутствии поправили сказавшего «слесаря» вместо «слесари», он сказал: «Язык — живой, развивающийся организм. Пройдет время, и все начнут говорить «слесаря», «токаря», «трактора». Это будет считаться единственно правильным».

Огорчившись, что я не читал Стефана Цвейга (он произнес — «Цвайга»), с восхищением отозвался о творчестве этого писателя, его биографических романах.

Один из учеников сочинил шутилку пьесу, в которой под фамилиями — характеристиками (типа «Сорокина», «Тугодумов») легко узнавались одноклассники. Исаич сказал, что такой литературный прием ему неприятен. Когда одна из знатков литературы из нашего класса спросила: «А как же Фонвизин?», он возразил, что речь вел не о литературе XVIII века.

На исходе десятого класса, когда пришла пора выбирать жизненный путь, Александр Исаевич поинтересовался, куда собираюсь я поступать после школы. Я ответил, что предпочел бы заняться точными науками, а родители хотели бы видеть меня врачом. Исаич оживился и сказал, что мнение моих родителей он одобряет. Почему? Да потому, что профессия очень нужна в любых жизненных си-

туациях, особенно это чувствуется... в заключении.

«Попал я в лагерь», — начал Александр Исаевич и, не обращая внимания на мой вопросительно-растерянный вид, продолжал, — и там понял преимущество профессии врача. Представляешь, первыми загибались историки, философы, вообще разные гуманитарии, которых использовали на тяжелых так называемых общих работах. Меня спасло то, что я — математик, смог попасть в придурки — на должность инженера. Теперь завидовал только медикам, которые чувствовали себя в лагере еще вольготнее. Бывало, перед врачом-зекком снимало шапку лагерное начальство».

Меня поразили этот принцип выбора жизненного пути: овладевай той профессией, которая пригодится, если попадешь в тюрьму. Все же я поступил в Рязанский радиотехнический институт. Туда же устремились и многие одноклассники. Исаич был патриотом школы и переживал за своих учеников. Он сказал мне с укоризной в конце последнего учебного года, когда увидел мое имя в газете среди участников юношеского первенства области по шахматам. «Ты, наверное, все лето будешь играть в шахматы, а потом опозоришь школу на экзаменах в институт».

Тем не менее и я, и почти все другие ученики А. И. Солженицына нашего выпуска на вступительных экзаменах по физике получили «пятерку». Встретившись со мной, Александр Исаевич подробно расспрашивал меня о том, как проходил экзамен, очень радовался успехам своих учеников.

...Пришел выпускной вечер. А. И. Солженицын появился в коричневом костюме с университетским значком и при боевых наградах. Выступившая от имени выпускников Светлана, поблагодарив всех педагогов, назвала его нашим любимым учителем. Затем был выпускной бал. Исаич танцевал со своими вчерашними ученицами. Танцевал умело, но движения его в танце были несколько порывистыми. В перерывах между танцами подсаживался к нам.

Зашла речь о Галуа. «Вот пример гения», — сказал Исаич — Занимался немного политикой, немного любовью, немного математикой. Накануне дуэли, на которой погиб, оставил другу свои математические заметки, и только спустя много десятилетий их смогли понять, и это стало основой теории конечных полей». Я рассказал о прочитанной незадолго перед тем книге Леопольда Инфельда «Зварист Галуа. Избранные сочинения». На это Исаич мягким, шутивым тоном изрек, что пройдут годы и на нашей школе появится еще одна мемориальная доска в честь одного из выпускников 1961 года. В школе создадут музей и поместят там классный журнал 10-го «А», предварительно подчистив оценки, недостойные гения...

«Много вам придется подчищать, Александр Исаевич!» — в том же тоне откликнулся я.

Ранним июньским утром завершился выпускной бал, осталась позади школа. Нам, выпускникам 1961 года, и в голову не могло прийти тогда, что наступят долгие годы, которые мы потом назовем застойными. Что каждый из нас будет готов защищать своего учителя от наветов, ни на грош не веря высказываниям о Солженицыне современных булгаринных и гречей.

Пришло время исчезнуть искусственно созданному «белому пятну» в истории нашей школы, и, может быть, на ее здании когда-нибудь появится мемориальная доска в честь работавшего здесь выдающегося писателя-гуманиста, лауреата Нобелевской премии и замечательного педагога Александра Исаевича Солженицына.

И пусть этот памятный знак будет установлен очень скоро.

С. ГРОДЗЕНСКИЙ,
кандидат технических наук, мастер спорта СССР по шахматам, член общества «Меморнал».

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

В материалах еженедельника прослеживаются попытки бросить камень в огород КПСС, ее руководящего органа. В частности, в № 37 от 16 сентября 1988 года опубликовано интервью с зам. сектором Института государства и права А.М. Яковлевым, где упоминалась статья из журнала «Огонек» «Противостояние» и делался вывод, что директивные органы намеренно не приняли никаких мер по изъятию у взяточников мандата делегатов XIX Всесоюзной партконференции. С большой неохотой редакция сняла эти строки.

В № 13 от 31 марта 1989 года в интервью с Гр. Гориним редакция пошла еще дальше. Поскольку писатель-сатирик должен чем-то развлечь читающую публику, то не грех попотчевать ее и анекдотом: «Почему нет мыла? Партия отмывается!». В ответ на просьбу цензора снять анекдот редакция настаивала на сохранении его под свою ответственность и уступила лишь тогда, когда цензор категорически отказался ставить разрешительный штамп и собрался известить об этом типографию.

Особую неприязнь у коллектива еженедельника похоже вызывают органы, осуществляющие охрану государственных тайн в печати. Разговор о цензуре идет во многих средствах массовой информации, но «Книжное обозрение» ведет его с патологической ненавистью, извлекает из русской лексики эпитеты, приличные скорее к «дну» общества.

В № 52 от 30 декабря 1988 года опубликованы воспоминания Л.Крутиковой-Абрамовой о Ф.Абрамове. Автор воскрешает запись покойного мужа: «Зверства цензуры, этого проклятия нашей литературы, бескровного убийцы русской мысли, крест и Голгофа, могильщик лучших... Для меня было «три цензуры»: журнальная, ЦК, горлит...».

Об этом материале был извещен заместитель председателя Госкомиздата СССР т. Спассенко В.А., который, правда, не рискнул дать распоряжение о снятии нескольких абзацев.

В декабре прошлого года редакция подготовила статью о бывших фондах специального хранения в библиотеке им. Ленина. В ней основной акцент делался на то, что между утверждениями, содержащимися в беседе начальника Главлита СССР т. Болдырева В.А. с корреспондентом газеты «Известия» (№ 308, 1988 г.), и реальным положением с получением отдельных книг — огромное несоответствие. Редакции было предложено внести в материал некоторые правки. После внесения исправлений он был опубликован в «Книжном обозрении» №5 от 3 февраля 1989 года.

В уже упоминавшемся интервью Гр. Горина корреспондент не удержался от вопроса насчет отношений с Главлитом. Горин, не имевший серьезных претензий к цензуре, тем не менее обронил: «Как видим, цензоры работали, сплотно лоды с извращенными мозгами...».

Иногда руководителям «Книжного обозрения» явно изменяет чувство политической ситуации в стране. В декабре они представили на предварительную консультацию статью Н.Бердьева о национальном сознании в России, написанную 70 лет назад. Главный вывод статьи: решить задачу, определенную Петром I, — вернуть России национальное сознание. И это в разгар событий в ряде регионов страны.

И последнее: убежден, что список членов редколлегии, публикуемый на последней странице, — это ширма. Коллективности в принятии решений нет. Все делает только штат редакции. По крайней мере так явствует из ответов военного историка Д.А.Волгонова и секретаря Всесоюзного добровольного общества любителей книги Г.Ф.Гарина, с которыми довелось побеседовать.

Начальник управления
И.В.МИНУШОВ.

Исаевич! А спортивные новости?». Исаич только буркнул: «Хватит с вас. Им еще и спортивные новости». Через мгновение, начав писать на доске какую-то физическую формулу, он бросил взгляд в мою сторону и продолжал: «Я слышал, что проходит чемпионат школы по шахматам и Гродзенский, втайне, конечно, претендует на первое место. Вот когда турнир закончится, я обязательно на политинформации расскажу об его итогах». Класс развеселился. Я почувствовал, что краснею.

Запомнился урок вежливости, преподанный нам учителем физики. В ответ на банальное одно из вошедших в физический кабинет учеников: «Здрасьте, Александр Исаевич», он возразил: «Мы же с тобой сегодня уже здоровались?». И продолжал, обращаясь к присутствующим, — проведем небольшой конкурс — кто лучше ответит: как следует поступить, если вы встречаете человека, с которым уже здоровались?». Все молчали. Исаич настаивал: «Ну, все же, как поступить?! Снова сказать «Здрасьте»? Глупо. Уже здоровались. Пройти мимо, как бы не замечая? Тоже глупо...». И после паузы закончил: «При повторной встрече надо улыбнуться этому человеку».

В ПОРУ, когда имя Александра Солженицына упоминалось только в ругательном контексте, его обвиняли во всех грехах, в том числе и в антисемитизме. Должен сказать, что моя память четко фиксирует любые, даже самые мелкие факты такого рода.

Так вот, за все годы знакомства с А. И. Солженицыным ни-

нее он разочаровался в «игре королей», считал, что она вынуждает человека тратить много энергии вхолостую. Однажды высказался в том смысле, что наши шахматные успехи потому и афишируются, чтобы прикрыть отставание в иных, куда более важных областях.

Он любил теннис и сетовал как-то: «Рязань — некультурный город. Нет ни одного приличного корта». Помнится, Исаич принял участие в устройстве теннисного корта возле радиопроинститута. Уже став студентом этого учебного заведения, я как-то раз наблюдал за его игрой. С трибун неслось «Исаич! Исаич!»: многие его ученики поступили именно в этот институт.

Еще его увлекали туристические походы, особенно велосипедные. Когда один из его учеников заметил, что, путешествуя на автомобиле, можно увидеть куда больше, Исаич ответил: «Ты — сын двадцатого века, а я больше девятнадцатого. Для меня важно пройти весь путь самому. Едешь на велосипеде, смотришь по сторонам — все твоё. А на машине? Что-то там пронеслось со скоростью восемьдесят километров в час и забылось». Говорил он нам, что тепловые прогулки не любят по единственной причине — целые дни гремит репродуктор. Проявлял Александр Исаевич интерес к драматургическому искусству, иной раз высказывался о живописи. Помнится, серьезно оценивал игру в школьных постановках. Но сам активного участия в организации школьных вечеров не принимал. Иногда он появлялся на них с фотоаппаратом и лампой-вспышкой.